

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ (По страницам фронтового дневника)

Л. В. Тестов (г. Вологда)

Бесценные свидетельства о минувшей великой войне — живые голоса ее непосредственных участников-фронтовиков. Одним из них является голос уроженца Шекснинского района Вологодской области Григория Михайловича Блохина, служившего в армии с 1939 по 1946 годы, воевавшего солдатом и сержантом в гаубичных артиллерийских полках на Северо-Западном, 4-м Украинском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах. В годы войны был ранен, контужен. Имеет девять боевых наград: «За отвагу», орден Красной Звезды, «За освобождение Варшавы» и другие. Все фронтовые годы он вел дневник по горячим следам военных событий, отражал в нем хронику боевых действий, свое видение войны, переживания и впечатления.

Григорий Михайлович Блохин родился 28 ноября 1918 года в деревне Никольское Череповецкого района Вологодской области. Работал в колхозе, а после окончания железнодорожного ФЗУ в Волховстрое — слесарем-кузнецом, кочегаром, помощником машиниста паровоза на станции Масельской в Карело-Финской АССР. Оттуда был призван в ноябре 1939 года в армию. После войны вернулся на родину, работал лесником, бригадиром, механиком. Умер от сердечного приступа в 1979 году.

Записки Г. М. Блохина не претендуют на широту охвата событий, глубину обобщений, оперативно-штабную точность описания военных действий. Их ценность состоит в том, что война представлена в ее изначальных единицах — в окопе, в наблюдательном пункте (НП), командном пункте (КП), опорном пункте (ОП), боевом порядке (БП), на батарее, в дивизионе, в группе прорыва. Они дают глубинную картину небывалой (часто употребляемое автором записок выражение) работы солдата на войне, позволяют ощутить дух этой войны, дают представ-

ление о жизни солдата на войне, о человеческом на зыбкой границе между жизнью и смертью.

Каким он был, русский человек тех сороковых — роковых лет, волею судеб переодетый в военную форму, взявший в руки оружие и поставленный в условия нечеловеческих физических и нравственных испытаний? Как он воевал, как страдал, думал и чувствовал, как жил и выжил на войне? Обратимся непосредственно к страницам дневника. В нем автор последовательно описывает ход военных событий: опустошительно-паническое начало военных действий, ад жестоких боев середины войны, ее неумолимо возвратный ход с тяжелыми завершающими сражениями, томительное ожидание конца войны и перехода к мирной жизни. На основе этой потрясающей окопной хроники передовой встает человеческий образ солдата-фронтовика, через тело, ум и сердце которого шла столь сокрушительная война, и благодаря этому солдату — человеку была, наконец, остановлена.

Солдат Григория Блохина — это прежде всего патриот своей Родины, призванный ее защитить во что бы то ни стало, беспрекословно выполняющий приказы командиров, умело воюющий, выполняющий почти все виды солдатской работы на войне. Провоевавший большую часть войны связистом, он прошел нечеловеческие расстояния военных дорог, протянул сотни километров линий связи, непрерывно чинил выходящую из строя радиостанцию, не расставаясь одновременно с винтовкой и автоматом. В тяжелейший период отступления (автор записок встретил войну в Литве, под Каунасом) в Западной Белоруссии оставляемому без защиты гражданскому населению, как пишет автор, «мы обещаем вернуться». (С. 21.) После того как удалось переправиться под непрерывными бомбежками противника через Западную Двину, автор горестно замечает: «...легко и весело на своей родной земле, дальше идти так неохота». (С. 22.)

Как пишет автор, на одном из оставляемых хуторов вдова погибшего на финской войне солдата просила его остаться и быть хозяином в доме. «Мне не верилось, — пишет Г. М. Блохин, — что Россия будет побеждена, а о смерти я мало думал, поэтому остаться у ней отказался». (С. 23.)

В марте 1942 года автор отмечает: «Вступаю кандидатом в члены партии. Идут большие эшелоны наших бомбардировщиков. Веселое настроение». (С. 31.) В октябре 1943 года он записывает: «Идут ужасные бои под Калиновкой. Получаю награду: медаль «За отвагу»... Какие были бои, какая радость...» (С. 41.) А вот лаконичная запись солдата о самом долгожданном дне — Дне Победы: «В ночь на посту пришла радостная весть о

капитуляции Германии и нашей Победе. Какая радость!! Пляшу и прыгаю, как ребенок... Всю ночь слушаю концерты Москвы». (С. 110.)

Автор дневника с уважением и благодарностью относится к своим командирам, искренне скорбит об их гибели. В период отступления он пишет об «отважном и спокойном комбате» Коваленко, командиру полка «папаше» Харламове, выведших своих солдат из окружения, о командире первого дивизиона, «всеми любимого капитана Пастуха». (С. 27.) Во время ожесточенных боев 1943 года, как горестно замечает автор, «снайперской пулей убит прекрасный человек и боевой комбат Салынский Н. Ф. Как жаль, невольно выступают слезы...» (С. 37.) 7 ноября 1943 года в дневнике запись: «Идем на НП командира дивизии и вдруг видим взрыв на кургане: от прямого попадания погиб наш славный комдив. Все жалеем». (С. 43.)

Дневник Г. М. Блохина повествует о невероятном напряжении всех человеческих сил на войне, о невыносимых испытаниях человека-солдата в ее адовом пекле. Во время отступления под постоянной угрозой окружения автор делает запись в дневнике: «Конец июня, а сколько пережито за эти дни, все грязные, утомленные, растерянные... Совершаем неслыханные марши по 80—90 км в сутки. Ноги кажутся не своими. На ходу спим. Часто спотыкаемся. Когда кончится эта Литва...» (С. 19—20.) В начале 1942 года автор записывает: «Переживаем страшный минометный налет противника под деревней Мышкино. Прощаюсь с жизнью, с Бойковым. Всюду лежат убитые товарищи. Ранены комбат, разведчик Мазий и веселый Леша Смирнов, но проносит». (С. 30.) «Тянем связь вправо под Выдергу, болотом по непролазной грязи, — продолжает он, — держу промежуточную в лесу с Салаутиным, силы покидают... Связь рвется по тридцать раз в день. Идет третий день боя... Не хватает снарядов, бьемся до последнего». (С. 33—34.)

В период боев на 4-м Украинском фронте в октябре 1943 года автор делает запись: «Мы на ОП четвертой батареи под шквальным бомбово-пулеметным огнем самолетов противника. Для укрытия нет даже и воронки. Мы с Петькой отбегаем в сторону от батареи и, держа перед собой рации, катаемся по земле, уклоняясь от бомб. Пот льется градом, сердце усиленно бьется...» (С. 42.)

Пик напряжения войны автор испытал в Крыму, в период штурма Сапун-горы и взятия Севастополя. «Весь день под снарядом. Голова кружится, в глазах мутится, клонит ко сну, — записывает Г. М. Блохин. — Семь раз в сутки хожу на Сапун-гору, налаживаю связь, ноги не ходят... Весь день под прицельным перекрестным огнем. От непрерывных ударов летят клочья. Ад в воздухе. Отсюда нам живым не выйти...» (С. 50.)

Напряжение боев почти не спадало и на заключительном этапе войны, когда автор воевал уже на 1-м Белорусском фронте, в Литве, где война для него и началась. В июле 1944 года он записывает: «Преследуем врага по пятам, но расслабляться нельзя. Идет подвижная война... Впереди и сзади идет бой. Мы посередине. Напряжение возрастает. Сверлит голову мысль навсегда здесь остаться... Этот день боя показался мне за год». (С. 63.) А вот запись о боях в районе реки Нарев в октябре 1944 года: «Немцы начали контратаку с целью сбросить нас в реку. Лежим в последней траншее. Повсюду воют и рвутся снаряды. Ждем прямого попадания и проклинаем весь белый свет. Левый фланг отступает... Сбились в кучу кони, люди, машины, горящие танки. Вместе с радиостанцией и мы идем в атаку. Какой ад, какое переживание! Всюду слышатся стоны раненых и умирающих. От трупов на поле заперестрело...» (С. 80.)

Записки Г. М. Блохина дают представление об атмосфере фронтового и товарищеского братства, сложившегося на войне и помогавшего преодолевать тяжелейшие испытания военного лихолетья. Описывая период отступления, автор приводит запоминающиеся примеры товарищеской взаимовыручки, бескорыстной помощи фронтовым друзьям и всем нуждающимся в ней. «Четвертый день движемся без пищи, — делает он запись 6 июля 1941 года. — В деревне находим разбитый магазин, из сохранившихся остатков варим что-то непонятное... Кушаем досыта и кормим мимо проходящих из каски». (С. 19.)

Автор описывает драматическую переправу через реку Вилейку: «Царит паника. Вот-вот покажется противник. Плывут танкетки, кони, люди. Многие тонут на моих глазах. Нахожу лодку, кладу в нее одежду и винтовку, совсем легко переплываю реку, но быстрое течение относит в сторону. Отдаю нижнее белье товарищу, у него все утонуло». (С. 21.) «Вышли на шоссе Полоцк—Дрисса—Себеж... Идем четверо суток с малым отдыхом, — продолжает записывать Г. М. Блохин. — Отдаю сапоги своему босому другу, иду босиком. Идет проливной дождь, ноги скользят по глинистой почве». (С. 24.)

В дневнике автора проходит через все этапы войны целая череда его фронтовых друзей и товарищей, с которыми он вместе воевал, страдал, радовался, скучал без них, тяжело переживал их гибель. Это были, по характеристикам автора, закадычные и близкие друзья Арон и Семен, «старый друг» Савельев, «друг Аношин, разведчик-ленинградец», связисты-сослуживцы Зиновьев, Алексеев, Клепов, Шаповалов, «хозяйственный» Федорченко, «бесстрашный» Баранов, «веселый уралец Андруша Зарыхин» и многие другие.

Вот также характерные записи в дневнике, относящиеся к 1944—1946 годам: 10.07.1944: «После санбата в г. Слоним (Литва) еду домой, в батарею. Встречаюсь с друзьями. Едем и поем сумасшедшие песни». (С. 63.) 31.07.44: «Друзей ранят и убивают. Когда же все это кончится?» (С. 70.) 17.09.45: «Друзья куда-то деваются. На сердце — камень». 23.09.45: «Определили в минбат 206-го зенитно-стрелкового полка. Здесь не нравится: нет друзей». (С. 117.) 16.10.45: «Настроение неважное. Особенно скучаю о друзьях». (С. 118.) 14.12.45: «Появились новые друзья: танкисты Кокин, Гапонов». 09.05.46: «Радостная новость — едем домой. Прощаюсь со всеми друзьями и товарищами». (С. 124.)

Война не ожесточила сердце солдата. Когда она уже катилась обратным мстительным валом на запад, под ее мощным катком погибали не только солдаты, но и мирное население. Автор страдает тем, кто был втянут в ее водоворот. «Белорусы, — пишет автор, — хороший, но обиженный народ. Белорусов фашисты ограбили как никого». (С. 58.) Вот характерная запись от 22 января 1945 года: «Пересекли границу Восточной Пруссии. Какой восторг! Все, что болело, становится излечимо. У всех приподнятое настроение. Немцы, вот и на вашу землю пришла война... У многих из них умоляющий вид, заплаканные глаза. Но не такое русское сердце, чтобы убивать беззащитных, мы мстим только заслужившим это». (С. 92.) Запись от 7 февраля 1945 года: «На пути к Данцигу приняли сильный бой... Наша батарея взяла в плен 26 фрицев. Я их охранял в конюшне — выглядели они жалко». (С. 94.) В записи от 10 марта 1945 года отмечается: «Встречается много гражданских немцев, гонимых войной. Их повозки и фургоны запрудили дорогу. Идут уплаканные, понуриив головы». (С. 98.)

Сострадание к исковерканной войной судьбе людей соседствует у солдата Г. М. Блохина с искренней любовью к природе, ко всему живому, что шло рядом со смертью. Описывая хронику боевых событий, автор наблюдательно отмечает и жизнь живой природы. Она напоминает ему о жизни, помогает, вдохновляет, придает новые силы. Даже морозы зимы 1941—1942 годов автора записок не выводят из равновесия. Описывая события под г. Валдаем на Северо-Западном фронте, он отмечает: «На пути разыгралась снежная буря, дорогу всю занесло, машины буксуют, мы их толкаем сами. Досыта намучившись и крепко замерзнув, остановились в одном хуторе, в балке. Вповалку спим крепким сном... Утром метель стихла, мороз упал, и снег приятно серебрился... Свежее и морозное утро приветствовало нас веселым дымком из труб в деревне Сухая Нива». (С. 31.)

Весна создает солдату лирическое настроение. В перерывах между боями в районе Черных Лук автор делает 1 мая 1942 года некое стихотворное замечание: «Весна в разгаре, солнце греет, в полях трава уж зеленеет, а соловей на все манеры песню звонкую щебечет...» (С. 33.) Ощущение вечно живой природы усиливается у автора записок особенно на последнем этапе войны, когда появляется надежда выжить. В перерывах между боями за Гдыню он записывает 29 марта 1945 года: «Уже поют соловьи. Как радостно, одновременно и скучно». (С. 102.) 11 апреля 1945 года в дневнике единственная запись: «Погода теплеет, все зазеленело, распускаются листья деревьев, кое-где растут цветы». (С. 104.) 18 июля 1945 года автор делает запись, утверждающую победу жизни: «Едем обратно через Одер. Как все изменилось! Тогда все дышало смертью, а сейчас поют в тишине птицы, в утопающей зелени и цветах летают бабочки, а сколько красивых тюльпанов! По дорогам тянутся вереницы измученных немцев — переселенцев с польской оккупационной зоны за Одер». (С. 113.)

Жизнь молодого солдата на войне невозможно представить без его отношений дружбы и любви с девушкой, женщиной, оставленной дома или встреченной на дорогах войны. Эта тема постоянно присутствует и в записках нашего автора. Всю войну он получает письма от родных и близких, многих знакомых девушек. 28 ноября 1945 года, находясь в Восточной Пруссии, Г. М. Блохин записывает: «Сегодня мой день рождения, отныне мне исполнилось уже 26 лет, но, видимо, все забыли, даже заочный верный друг Шура...» 3 декабря того же года новая запись: «Получил два письма от Зои и Шуры: по радио и в сердце музыка». (С. 86.) 12 декабря солдат пытается анализировать: «Получаю письма: интересные — Ольги, непривлекательные — Женьки, близкие — от Марушки, искренние — Таисьи, редкие, но откровенные и подробные — из дома». (С. 87.)

Редкими, но запоминающимися для молодого солдата явились встречи с девушками на дорогах войны. Здесь были русские медицинские сестры, белорусские партизанки, польские паненки, прусские немки, освобожденные из концлагерей девушки, как пишет автор, «разных наций». 16 июня 1944 года об этом идет характерная, например, запись: «Гомель весь разбит... Идем в кино с девушкой Женей, все озираются: плохо одетый солдат гуляет с фартовой девушкой. Навсегда прощаемся... Сердце ноет, как никогда... Потом встретился с Марусей — партизанкой, учащейся совпартшколы, обещала мне писать. Стало легче...» (С. 56.) 2 февраля 1945 года солдат делает единственную запись: «Веду малопонятный, но душевный разговор с немкой». (С. 93.) 16 февраля он фиксирует новый факт: «Наш опорный пункт в хуторе, где полно па-

ненок. Обещание... Эх, любовь, ты такая злая, сердце ноет, я больная. Мария...» (С. 95.)

В начале августа 1945 года автор получает неожиданное известие о своей возлюбленной Шуре Г., которая провожала его в армию в ноябре 1939 года и всю войну писала ему письма. Он встречает его мужественно: «Получил письмо от сестры Зои. Шура вышла замуж... Товарищи наперебой что-то советуют. Что же сделаешь? Не везет... Пусть будет так». (С. 114.) 18 октября этого года солдат записывает: «В бане украли гимнастерку с орденами. Проклятый день! Все мое фронтовое достоинство... Хожу убитый горем и печалью. Пять невзгод после войны, начиная с Шуры Г. Да, мечты-мечты, а где же счастье...» (С. 118.)

На пороге между закончившейся, но ставшей уже привычной войной и наступавшей долгожданной, но отдалившейся и неопределенной мирной жизнью автора записки терзают невеселые думы, сомнения и новые переживания. 13 октября 1945 года он делает запись: «Назначили парторгом роты против моего желания. Новая жизнь, новые люди, новые порядки, все не нравится». (С. 118.) 14 декабря — аналогичная запись: «Жизнь новая, но по-прежнему скучная. Дни текут, года уходят безвозвратно». (С. 120.) 18 апреля 1946 года автор снова делится невеселым размышлением: «Собираемся домой. Природа цветет и улыбается. Только на душе лежит камешек: беспокойство и неполноценность судьбы...» (С. 123.)

Фронтовая жизнь автора солдатского дневника протекала на фоне эпохальных событий мировой войны, судеб и действий известных исторических личностей, падения и освобождения русских и европейских городов и столиц. Он являлся живым свидетелем калейдоскопа крупных поворотов войны, делал об этом лаконичные записи, пытался давать собственные оценки. «Печальные известия с фронтов, — констатирует Г. М. Блохин, — враг захватил город Смоленск, взял Старую Руссу и многие другие города. Как жаль!» (С. 27.) В мае 1944 года он делает ликующую запись: «Город-герой Севастополь наш! Серебристое и бесконечное море, красные флаги, колонны пленных». (С. 51.)

С приходом войны в Европу событийная хроника освобождения городов, падения столиц, развала фашистской коалиции уплотняется, что находит отражение и на страницах фронтовых солдатских записей. Вот некоторые из них: 6 июня 1944 года: «Узнаем радостную и долгожданную весть: союзники высадились на побережье Франции, наконец, и второй фронт открылся. Настал решающий этап войны». (С. 53.) 7 июля 1944: «Бобруйск взят». 9 июля: «Ведем бой под Барановичами и

освобождает город». 1 августа 1944: «Передают по радио о взятии города Каунаса. Какая радость, ведь мы же год служили в нем и какое горе, что не мы там». (С. 61—63.) 2 августа: «Наша пехота форсировала Буг. Даешь Польшу!» 26 августа: «Переворот в Румынии». 6 сентября: «Финляндия протягивает ноги. Союзники в Брюсселе». 8 сентября: «Радостное известие из-за границы: капут Болгарии». (С. 73—74.) 27 апреля 1945 года: «Слева бомбят «мистера». По радио услышал: войска Конева соединились с союзниками». (С. 107.)

А вот идут записи об исторических деятелях. «Приехали в Себеж, — записывает Г. М. Блохин в дни отступления. — Впервые после войны жадно читаю попавшуюся газету, где напечатан июльский приказ т. Сталина о распространителях лживых слухов и дезорганизаторах». (С. 24.) 21 июля 1944 года дневниковая запись лаконична: «Услышали по радио о покушении на Гитлера. Какое горе, он жив» (С. 64.) 21 декабря 1944 года запись повествует: «Вечером разбирали речь Черчилля. Обещает кончить войну к лету». (С. 87.) 13 апреля 1945 года сверхлаконичная, масштабно-прозаическая запись: «Помер Рузвельт. Наши взяли Вену. Жарим отстрелянных диких коз...» (С. 104.) 3 мая 1945 года автор сомневается: «Гитлер помер, но это ложь. Ведем разговоры с четырьмя камрадами» (С. 109.) 16 мая 1946 года он делает последнюю в этом смысловом ряду запись: «Грузимся на ст. Брекау (3 км от Бреслау) и после прощального митинга с Рокоссовским и Батовым двинулись до дому, до каты...» (С. 124.)

Человек на войне постоянно находился рядом и в гуще стреляющих, грохочущих и ревущих боевых машин. Какофония неистовавшей военной техники постоянно сопровождала солдата, давая лишь редкие минуты затишья. Он свыкался с ней, узнавал ее разнообразие, одушевлял ее собственными эмоциональными переживаниями. В дневниковых записях Г. М. Блохина предстают запоминающиеся образы этой, как пишет автор, «музыки войны». (С. 21.) Немецкая стреляющая техника олицетворяется автором с демоном войны, сеющим разрушение и смерть всему живому. «Нахожусь на ПНП впереди пехоты, — описывает картину боя Г. М. Блохин. — Переживаю сумасшедший боевой налет. Враг яростно бьет из ротных пулеметов, всюду рвутся мины, ползут танки, бронемшины бьют прямой наводкой. В воздухе тяжелые «Хейнкеля», взяв равномерную дистанцию, непрерывно, заходя по три, бросают на узкий участок тысячи бомб. «Гармонисты» (немецкие штурмовики. — Л. Т.) бомбят тяжелыми бомбами, завывая сиренами». (С. 25.)

В записках автора «ужасно бомбят» «мистера» («Мессершмитты». — Л. Т.), «неистовствуют «вульфы» («Фокке-Вульфы». — Л. Т.), ползут

«громадные «фердинанды», грохочут «тяжелые «эльзы», скрежещут реактивные «ишаки». «Все время под снарядом, под губительным огнем ведем борьбу со смертью. Убит Лей. Убит Домододченко», — записывает Г. М. Блохин в декабре 1942 года. (С. 36.) На подвижном фронте автор не раз попадал и под огонь авиации и артиллерии, но их военная работа оценивается им с воодушевляющим эмоциональным подъемом. «Приводим в боевое положение гаубицы, — записывает солдат. — Какие они устойчивые и сподручные, несмотря на такую тяжесть». (С. 10.)

На страницах дневника автором удовлетворенно описываются огневые залпы реактивных «катюш» и «иванов», громовые голоса тяжелых артиллерийских орудий — «борисов» (280-мм мортир. — Л. Т.), методическая работа «черемушкиных» (самолетов-штурмовиков. — Л. Т.). 17 марта 1945 года он записывает: «Сильная артподготовка, даже редкостная, особенно стараются «борисы», исключительно работает наша авиация и артиллерия. Работают в напряжении и согласованно все рода войск. Идет настоящая веселая война...» (С. 100.)

Тяготы и напряжение фронтовой жизни, редкие, но бурные моменты радости «разряжались» иногда «принятием» солдатами боевых водочно-спиртовых граммов. 19 ноября 1944 года автор записывает: «Празднуем День артиллерии. Но водочки мало, всего 100 граммов и то отдал другу». (С. 85.) 23 февраля он констатирует: «Отметили 27-ю годовщину РККА. Поем и пляшем под гитару. Но все равно нехорошо, наша жизнь пропащая». (С. 95.) 1 мая 1945 года записано: «Провели митинг по поводу доклада т. Сталина. Выпили. Кто навеселе, а кто, как свинья. Я — в самочувствии. Поем и пляшем до упаду». (С. 108.)

Чем дальше война откатывалась обратно, тем веселее становилось на душе солдата, оттаивало его сердце. В декабре 1944 года автор записывает: «Прослушали агитационную лекцию политотдела. Потом поставили пластинку с плясками. Все славяне повылезали из своих укрытий, несмотря на морозную ночь. Откуда взялась бодрость, куда девалась надоедливая скука! Многие плясали, гулко постукивая каблуками о мерзлую землю. Ну и меня заело...» (С. 90.) Солдат Г.М. Блохин вспоминает гражданские навыки езды на велосипеде, все чаще берет в руки трофейный аккордеон. 28 марта 1945 года он записал: «Мы в порту г. Гдыни. Едем на лошади, Данконян — за кучера, я играю на трофейном аккордеоне. Веселей, славяне...» (С. 101.)

Автор заканчивает дневник в середине мая 1946 года описанием стремительного демобилизационного рывка домой: «Проезжаем Опель и прощаемся с Германией. Едем по Польше. Перемышль, Коростень.

Граница. Львов, Орша, где погуляли и отстали. Утром товарным в Витебск, Великие Луки, потом почтовым в Москву, на Ржевский вокзал. Ночь провели в Москве по буфетам и ресторанам. Курьерским доехали до Ярославля, где расформировали наш эшелон. Ночью на товарном — на Вологду. Через сутки, после незабываемой встречи с другом, едем в Шексну. Ожидаем пароход и — радостная встреча на пристани Ирма с родными и близкими. **Тишина и спокойствие в деревне Никольское...**» (С. 125.) Огненный круг, по которому солдат Г. М. Блохин шел семь лет фронтовой жизни, замкнулся снова у родного порога. Он прошел его с достоинством и честью, проявил лучшие человеческие качества русского солдата Великой войны за торжество жизни.